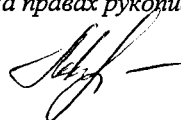

На правах рукописи

МАГИРОВСКАЯ Оксана Валериевна

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СУБЪЕКТА ПОЗНАНИЯ В ЯЗЫКЕ

Специальности: 10.02.19 – теория языка
10.02.04 – германские языки

22 ОКТ 2009

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Тамбов 2009

Работа выполнена в ГОУ ВПО
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

Научный консультант – доктор филологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
Болдырев Николай Николаевич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН
Виноградов Виктор Алексеевич
(Учреждение Российской академии наук
Институт языкознания РАН)

доктор филологических наук, профессор
Карасик Владимир Ильич
(ГОУ ВПО «Волгоградский государственный
педагогический университет»)

доктор филологических наук, доцент
Беседина Наталья Анатольевна
(ГОУ ВПО «Белгородский государственный
университет»)

Ведущая организация – ГОУ ВПО «Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова»

Защита состоится 4 декабря 2009 г. в 12.00 часов на заседании совета
Д 212.261.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора и
кандидата наук в ГОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени
Г.Р. Державина» по адресу: 392000, г. Тамбов, ул. Советская, д. 6, зал заседаний
диссертационного совета.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».

Автореферат размещен на сайте Высшей аттестационной комиссии
Министерства образования и науки Российской Федерации <http://vak.ed.gov.ru>
3 сентября 2009 г.

Автореферат разослан «7» октября 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

И.Ю. Безукладова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена проблеме изучения антропоцентрической сущности языка. В ней дается системный лингвистический анализ репрезентации субъекта познания в языке на разных уровнях его когнитивной деятельности.

Интерес к отдельным координатам функциональной представленности человека в языке (прежде всего, наблюдателю, интерпретатору, субъекту оценки, языковой личности), а также исследования их структурных особенностей и средств языковой актуализации свидетельствуют о том, что наука подошла достаточно близко к решению давно заявленной проблемы. Характеризуясь глубиной и многогранностью, имеющиеся лингвистические исследования, тем не менее, не позволяют выстроить полной картины проявления человека в языке. Это обусловлено, в первую очередь, тем, что они являются отдельными, часто не взаимосвязанными фрагментами описания проблемы и в большинстве случаев не учитывают факт интегрированности функций в рамках когнитивной деятельности индивида.

Теоретической предпосылкой диссертационного исследования послужили развиваемая в коммуникативной лингвистике и межкультурной коммуникации теория языковой личности, основные положения которой разработаны Ю.Н. Карауловым [Караулов 1999, 2006], а также серия работ, посвященных выявлению и описанию начальной координаты функциональной представленности человека в языке – координаты наблюдателя [Апресян 1986; Бондарко 2002; Верхотурова 1999, 2004, 2006а, 2006б, 2009; Имото 2006; Кравченко 2004; Лакофф 2004; Матурана 1995; Падучева 1993, 1996, 2006; и др.]. Они показали преимущество интегративного подхода к исследованию проблемы и подтвердили необходимость систематизации и четкого терминологического определения основных когнитивных функций для создания единой концепции репрезентации субъекта познания в языке.

Разработка классификационной основы проявления человеческого фактора в языке становится возможной в результате иерархического упорядочивания координат функциональной представленности субъекта познания, позволяющего показать, на какую конкретно функцию человека опирается определенный вид речемыслительной деятельности. Именно такое направление анализа представляется необходимым на современном этапе развития лингвистической науки. Оно основывается на ряде теоретических установок, которые обусловлены пониманием языка как «средства формирования и выражения мысли, хранения и организации знания в человеческом сознании, обмена знаниями» [Болдырев 2004: 19], как «сущности, целиком и полностью производной от закономерностей мыслительной деятельности индивидов, образующих тот или иной социум» [Коровкин 1993: 3–4]. Первая заключается в необходимости выделения двух обязательных ролевых характеристик проявления человека в языке – роли познающего субъекта и субъекта говорящего, а не только роли говорящего, как это преимущественно отмечалось в лингвистике до недавнего времени. Вторая

логично предполагает важность выявления их иерархичности. Общепризнанная первичность процесса мышления на первый план выводит субъект познания, чем и определяется приоритетность исследования данной координаты.

Выполненное исследование позволяет смоделировать антропоцентрическое пространство языка относительно ведущих когнитивных уровней. В нем устанавливается иерархичность основных координат представленности субъекта познания в языке, определяется их конкретная специфика, выявляются ведущие когнитивные и языковые механизмы и уровни языковой репрезентации. Именно в этих целях исследование опирается на когнитивную парадигму знания и проводится в рамках когнитивного направления в лингвистике, которое, по точной характеристике Е.С. Кубряковой, «открывает широкие перспективы видения языка во всех его разнообразных и многообразных связях с человеком, с его интеллектом и разумом, со всеми мыслительными и познавательными процессами, им осуществляемыми и, наконец, с теми механизмами и структурами, что лежат в их основе» [Кубрякова 2004а: 476].

Связь с быстро развивающимся когнитивным направлением и логичное вхождение в парадигму работ, посвященных проблеме антропоцентричности в языке, во многом обуславливают актуальность исследования. Выполненное в соответствии с «настоятельной потребностью в системном изучении работы человеческого сознания» [Болдырев 2004: 20] оно значительно расширяет, уточняет и дополняет научные представления об основных процессах когнитивной деятельности (концептуализации и категоризации) и способах их репрезентации в языковых формах. Проведение данного исследования вызвано необходимостью показать роль субъекта познания по отношению к другим функциям, осуществляемым человеком в речемыслительном процессе. Актуальным является также направление анализа. Оно заключается в том, что особенности разных видов деятельности субъекта познания объясняются с помощью языка как общего когнитивного инструмента, обеспечивающего надежный доступ к ним. Это позволяет научно доказать и показать тесную связь всей системной организации языка с познавательной деятельностью человека.

Научная новизна исследования определяется системным подходом к решению проблемы представленности человека в языке. Впервые предпринимается попытка комплексного анализа процесса познания в рамках основных антропоцентрических координат с целью обоснования его иерархично организованной структуры и универсальности языковой репрезентации на категориальном уровне. Для этого специально разработана новая теоретическая концепция концептуальной конфигурации знаний и применяется собственный метод анализа. В представленной системе координат, которая включает субъект эмпирического познания, субъект понятийного осмысления и субъект вторичного (интерпретативно-оценочного) осмысления, координата субъекта понятийного осмысления выявляется впервые. Определение статуса каждой из координат относительно параметра 'базовости – производности' позволяет рассматривать субъект познания как

сложную, концептуально-объемную антропоцентрическую координату, опирающуюся на систему иерархически взаимосвязанных когнитивных функций первичного, базового и производного характера, которым, в свою очередь, присуща собственная специфика концептуализации и категоризации знаний в общем процессе познания.

Предметом исследования является языковая деятельность субъекта познания по концептуальной и категориальной конфигурации знаний.

Объектом исследования выступают единицы, категории и структуры основных языковых уровней, актуализирующих данную антропоцентрическую координату как точку отсчета в процессах концептуализации и категоризации мира в языке.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении принципов и комплексном анализе особенностей языковой репрезентации субъекта познания, выступающего носителем различных типов знания. Предлагаемый анализ призван объяснить, каким образом и какими средствами языковая система обеспечивает актуализацию лежащей в ее основе сложно-структурированной когнитивной деятельности.

Поставленная цель предполагает решение следующих конкретных задач:

1. Проанализировать ранее выявленные антропоцентрические координаты наблюдателя, интерпретатора, субъекта оценки, говорящего и языковой личности, обобщив и в ряде случаев пересмотрев основные положения теорий, в рамках которых данные координаты исследовались, с учетом факта единства речемыслительного процесса, с одной стороны, и особенностей его иерархической организации, с другой.

2. Выявить особенности и структуру познавательных процессов, лежащих в основе выделяемых видов когнитивной деятельности субъекта познания.

3. Определить целостную систему координат функциональной представленности субъекта познания относительно параметра 'базовости – производности'.

4. Обосновать необходимость разработки теории концептуальной конфигурации и применения метода концептуально-конфигуративного анализа.

5. Выявить принципы языковой конфигурации знаний.

6. Описать основные уровни формирования и конфигурации знаний и определить ведущий способ их языковой репрезентации.

7. Проанализировать систему языковых средств конфигурации знаний, репрезентирующую основные координаты функциональной представленности субъекта познания в языке.

Решение поставленных задач осуществляется в рамках разработанной в настоящем исследовании теории концептуальной конфигурации. Она позволяет доказать, что языковая система обеспечивает репрезентацию всех уровней когнитивной деятельности субъекта познания, ориентирована на них. Данная теория основана на выдвигаемом положении о том, что специфика каждой из координат определяет как направление и способ концептуализации и категоризации знаний, так и их диапазон. Иерархичность когнитивных функций, а также их характер (первичный, базовый или производный)

обуславливают необходимость и определенную закономерность их интеграции в единый речемыслительный процесс.

Разработанная теория опирается на понятие конфигурации. Все чаще используемое в лингвистике, оно впервые получает системное определение. Конфигурация понимается как процесс и результат когнитивной деятельности человека, определенный тип знаний, обусловленный особенностями и возможностями их переработки на определенном уровне познания.

Суть подхода к исследованию особенностей языковой репрезентации субъекта познания в свете вышеназванной теории состоит в том, что каждый тип конфигурации характеризуется собственной системой средств актуализации в языке. В процессе единого речемыслительного процесса он включается в общую систему передачи необходимого смысла, с одной стороны, и дейктического указания на конкретные мыслительные операции субъекта познания, с другой стороны.

В качестве основного метода анализа применяется метод концептуально-конфигуративного анализа. Он обеспечивает возможность системного теоретического описания основных уровней познания, т.к. позволяет представить их в рамках категориальной организации языка. Данный метод направлен на моделирование языковой системы как особого пространства, организованного не вокруг абстрактного человека в языке (что, в принципе, невозможно), а относительно субъекта познания как конкретной иерархично организованной координаты.

Обоснованность метода определяется антропоцентрическим подходом к языку и доказывается в ходе исследования, результаты которого позволяют сформулировать основные **положения, выносимые на защиту:**

1. Система ведущих антропоцентрических координат языка обусловлена набором основных когнитивных функций, активизируемых в процессе познания. Она демонстрирует собой строгое соответствие уровня познания конкретной антропоцентрической координате. Данное соотношение трехуровневое. Оно представлено следующим образом: 1) эмпирическое познание → субъект эмпирического познания, 2) понятийное осмысление → субъект понятийного осмысления, 3) вторичное (интерпретационно-оценочное) осмысление → субъект вторичного осмысления (интерпретатор и субъект оценки). Базовой координатой выступает субъект понятийного осмысления.

2. Каждый уровень познания представляет собой процесс и результат конфигурации знаний как их особой переработки в рамках определенных когнитивных возможностей. Конфигурация на уровне эмпирического познания – процесс и результат осмысления отдельных предметных сущностей относительно их объективных характеристик, выявляемых в рамках чувственного восприятия и предметной деятельности с целью их опознания и дифференциации. Конфигурация на уровне понятийного (базового) осмысления – процесс и результат системной языковой переработки знаний о мире относительно универсальных категорий, параметров и стратегий с целью понимания его целостности и основных форм проявления. Конфигурация на уровне вторичного (интерпретационно-оценочного) осмысления – процесс и

результат субъективной языковой переработки знаний и представлений о мире с целью передачи индивидуальных, оценочных, коннотативных, эмотивных признаков и характеристик и конструирования собственного видения происходящего.

3. Правила и особенности организации общекогнитивной деятельности предполагают универсальность их репрезентации в языке. Система основных принципов языковой конфигурации знаний включает: 1) принцип концептуально-категориальной обработки информации, 2) принцип структурированности когнитивной деятельности субъекта познания, 3) принцип концептуальной системности, 4) принцип категориальной системности, 5) принцип соответствия типов когнитивной деятельности и уровней категориальной организации языка.

4. Репрезентация субъекта эмпирического познания в языке имеет несистемный характер, обусловленный отсутствием категориальной основы организации знаний на данном когнитивном уровне. Она осуществляется на уровне номинации концептов-образов и концептов-признаков и затрагивает две группы лексических единиц: существительные, являющиеся наименованиями конкретно-предметных сущностей, и слова различной частеречной принадлежности со значением перцептивно воспринимаемого признака. Их потенциал дейктического указания на субъект эмпирического познания обеспечивается семами перцептивно-предметной деятельности. Слова первой группы указывают на избирательность фокусировки внимания субъекта эмпирического познания на отличительных признаках, являющихся достаточными и необходимыми для опознания и дифференциации предмета. Слова второй группы профилируют конкретную эмпирическую активность: зрительную, слуховую, вкусовую, обонятельную, тактильную, предметную.

5. Субъект понятийного осмысления репрезентирован в языке системно. Основным уровнем актуализации его когнитивной деятельности выступает грамматический. Система языковых средств материализации характеристик, связей и отношений, на которые ориентируется субъект познания в рамках базовой конфигурации знаний, включает, прежде всего, грамматические категории и структуры отражательного типа, а также лексические единицы соответствующей семантики, компаративные и категоризирующие синтаксические структуры. В своей совокупности они указывают на различные виды мыслительной активности, характерные для данного уровня познания и обусловленные когнитивными механизмами систематизации, конкретизации, обобщения, абстрагирования, сравнения, профилирования и точки отсчета. Как субъект фокусировки внимания на отличительных категориальных характеристиках отдельных лексико-грамматических категорий субъект познания репрезентирован на уровне системы концептуально заданных форм их морфологического оформления. В качестве субъекта активизации таких когнитивных стратегий, как конкретизация, обобщение, противопоставление, установление сходства / аналогии, выявление различий и превосходства он представлен системой грамматических и лексических средств указательной, обобщающей, категоризирующей и компаративной семантики. Указание на

способность конструировать пространство настоящего, осуществлять восстановление из памяти, планировать и прогнозировать действия, связывать их друг с другом в едином пространственно-временном континууме осуществляется морфологическими формами времени и вида, обстоятельствами времени, предложениями пространственно-временной соотнесенности.

6. Субъект вторичного осмысления – наиболее антропоцентричная координата. Он репрезентирован на функциональном уровне языка как субъект индивидуальной конфигурации знаний в рамках активизации множества когнитивных механизмов выделительного, конкретизирующего, ассоциативного и интегративного характера. В качестве основных выступают ассоциативное сравнение, концептуальная метонимия, концептуальная метафора, профилирование, организация «фон – фигура», а также когнитивные механизмы модусной категоризации. Особую роль в проявлении субъекта познания в языке играет контекст предложения-высказывания. Система средств репрезентации данной антропоцентрической координаты включает морфологические формы и синтаксические структуры интерпретативного типа, модусные категории, лексические единицы прямого и косвенного указания на мыслительную деятельность, а также случаи нарушения прототипической заданности отдельных морфологических категорий и синтаксических структур отражательного типа. Данная система характеризуется дейктическим потенциалом указывать на субъект вторичного осмысления в следующих разновидностях его мыслительной деятельности: 1) субъект фокусировки внимания на отдельных признаках предметного мира и характеристиках события, 2) субъект образного и оценочного восприятия, 3) субъект концептуального конструирования события, 4) субъект дискурсивной деятельности и 5) источник знания.

7. Средства дейктического указания на субъект познания материализуют устойчивые типы субъект-объектного взаимодействия с миром. В этом проявляется антропоцентричность языка как особой семиотической системы. Их конкретный набор, типичный для отдельно взятого языка (в рамках данного исследования – английского), формирует специфичное антропоцентрическое пространство. Оно фокусируется на особенностях конфигурации знаний в рамках концептуальной системы определенной лингвокультурной общности и создает особый ракурс репрезентации субъекта познания в языке.

Теоретическая значимость исследования заключается в системной классификации основных антропоцентрических координат функциональной представленности субъекта познания, разработке базовых положений теории концептуальной конфигурации и выявлении основных принципов языковой конфигурации знаний. Существенный вклад в развитие объяснительного потенциала когнитивной науки вносит также предлагаемый метод концептуально-конфигуративного анализа, который позволяет исследовать соотношение и взаимодействие концептуальных и языковых структур.

Теоретически важным является логическое развитие когнитивно-дискурсивного подхода к языку в рамках антропоцентрической парадигмы знания. Анализ, проведенный в диссертационном исследовании, может быть

использован при выявлении особенностей репрезентации координат функциональной представленности субъекта познания в различных языках и группах языков. Он позволяет систематизировать языковые средства на основании их направленности на человека как субъекта конфигурации знаний.

Практическая значимость исследования состоит в выделении и систематизации языковых средств, категорий, форм и структур, репрезентирующих различные типы когнитивной деятельности субъекта познания, и моделировании особого антропоцентрического пространства английского языка. Практически значимым является также предлагаемый метод концептуально-конфигуративного анализа. Он может быть применим к исследованию различных языковых явлений, репрезентирующих основные когнитивные процессы и лежащие в их основе когнитивные механизмы.

Практическая ценность диссертации состоит также в том, что ее результаты могут быть использованы в преподавании теоретических и практических лингвистических дисциплин, подготовке курсов лекций по когнитивной лингвистике, теории языка, лексикологии и грамматике английского языка.

Научная достоверность и обоснованность полученных результатов обеспечиваются, во-первых, доказательностью теоретической базы, которая последовательно, логично и полно отражает специфику предмета исследования и тем самым обуславливает его всестороннее видение; во-вторых, унифицированностью описания координат, представляющего собой их анализ по одинаковому ряду критериев; в-третьих, представительностью иллюстративного языкового материала; в-четвертых, комплексным применением надежных методов исследования.

Материалом для анализа послужили данные англоязычных толковых словарей, отдельные предложения-высказывания современного английского языка (американский и британский варианты), выбранные методом сплошной выборки из произведений англоязычной литературы и такого авторитетного интернет-источника, как Британский национальный корпус (British National Corpus). Всего проанализировано более 20 тыс. примеров.

Методы, которые использовались для обработки фактического материала, включают концептуальный и контекстуальный анализ, анализ словарных дефиниций, когнитивное моделирование. В своей совокупности они обеспечивают успешность метода концептуально-конфигуративного анализа как системного метода исследования, необходимого для решения поставленных целей и задач и позволяющего объяснить особенности конфигурации знаний на каждом уровне познания, достаточно полно описать структурные и содержательные характеристики каждой из выделяемых антропоцентрических координат, проанализировать специфику их репрезентации в языке.

Апробация основных положений и результатов исследования осуществлялась в форме докладов и выступлений на научных конференциях, семинарах и конгрессах, в том числе на Международных научных конференциях «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» (Кемерово 2006), «Филология и культура» (Тамбов 2005, 2007),

«Язык. Коммуникация. Культура: тенденции XXI века» (Красноярск 2006), «Лингвистические парадигмы и лингводидактика» (Иркутск 2007, 2008), «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» (Челябинск 2008), Международном конгрессе по когнитивной лингвистике (Тамбов 2006, 2008) и др. Диссертация прошла апробацию в ежегодных научных докладах на заседаниях кафедры английской филологии ТГУ им. Г.Р. Державина (2005-2009 гг.). По теме диссертационного исследования опубликованы 32 научные работы, в том числе монография «Репрезентация субъекта познания в языке», глава в коллективной монографии «Концептуализация мира в языке» серии «Когнитивные исследования языка» и 7 статей в журналах, рекомендованных ВАК для публикации результатов докторских диссертаций.

Структура исследования. Диссертация состоит из Введения, двух Глав, Заключения, Списка использованной научной литературы, Списка использованных словарей и Списка источников фактического материала.

Во *Введении* дается общая характеристика проблемы, определяются актуальность и новизна исследования, ставятся цели и задачи, обосновываются разработанные теория и метод исследования, приводятся основные положения, выносимые на защиту, описываются теоретическая и практическая значимость, научная достоверность, а также материал и методы исследования, излагается структура диссертации.

В *Главе I «Языковая конфигурация знаний в рамках системно организованной деятельности субъекта познания»* выделяются проблемы, которые касаются антропоцентрической сущности языка и требуют решения на современном этапе развития лингвистической науки, определяется основное направление исследования. Особое внимание уделяется обоснованию системности и иерархичности координат функциональной представленности субъекта познания. Каждая из координат описывается и уточняется относительно основной осуществляемой когнитивной деятельности, а также параметра 'базовости – производности'. С целью теоретического обоснования предлагаемой теории концептуальной конфигурации рассматриваются основные принципы языковой конфигурации знаний, описываются концепция и разработанный метод исследования.

Глава II «Репрезентация системы координат субъекта познания в языке» представляет собой анализ особенностей репрезентации субъекта познания на материале современного английского языка. Данная антропоцентрическая координата получает целостное рассмотрение относительно системы языковых средств, категорий, форм и структур, в рамках которых осуществляется концептуальная и категориальная конфигурация знаний на каждом из выделяемых уровней познания.

В *Заключении* приводятся результаты проведенного исследования, намечаются перспективы дальнейшей разработки проблемы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Современный взгляд на проблему антропоцентричности в языке кардинально отличается от всех предыдущих. Он сформулирован следующим образом: язык ориентирован на человека в рамках всей его когнитивной деятельности, в языке человек представлен во всем многообразии выполняемых им функций [Арупонова 1988; Кравченко 1995; Болдырев 2000]. Это позволяет рассматривать человека в языке не только в рамках процесса собственно речевой деятельности во всем множестве её проявлений, но, прежде всего, в рамках деятельности мыслительной, когнитивной.

Признание субъекта познания основной координатой речемыслительного процесса не означает отрицания базового статуса фигуры говорящего, которая многими лингвистами рассматривается в качестве основной [Бенвенист 1974; Бюлер 2000; Есперсен 2002; Москальская 1952; Падучева 1993, 1996; Степанов 1985, 1998, 2003; Lyons 1996; и др.]. Оно позволяет более достоверно и правильно рассматривать проблему представленности человека в языке, т.к. учитывает целый ряд других неотъемлемых характеристик. Это, прежде всего, определенный уровень познания, мышления, сознания, который проявляется в способности получать знания и отбирать их для выражения своих мыслей, а также в способности осознавать себя говорящей, познающей и мыслящей индивидуальностью, находить свое место в окружающем мире.

Выделение координаты субъекта познания наряду с координатой говорящего и рассмотрение ее в качестве антропоцентрической точки отсчета речемыслительного процесса приводит к следующему. Во-первых, становится возможным объяснение целого ряда языковых явлений. Во-вторых, учитывается специфика речемыслительного процесса, который наряду с деятельностью речевой включает деятельность мыслительную. В-третьих, исключается факт абсолютизации говорящего, который логично приводит к абсолютизации всей языковой системы, «к признанию фактора непредсказуемости и, следовательно, к отрицанию самой системы» [Кравченко 2004а: 32] и в результате к отрицанию ее взаимообусловленности и взаимозависимости от других систем и, прежде всего, системы мыслительной.

Сложный характер познания обусловлен множественностью объектов окружающего мира, их признаковым различием, а также степенью познанности и выделенности в сознании. Он предполагает взаимосвязь и интеграцию различных когнитивных уровней. К основным относятся три: эмпирическое восприятие (перцептивно-предметная деятельность), понятийное осмысление и интерпретативно-оценочное осмысление. Именно они предопределяют то, как в сознании человека организуется получаемый им опыт и знания, которые подлежат языковой репрезентации. Вышеуказанные уровни познания отличаются по способу взаимодействия субъекта познания с миром, типу формируемых знаний и особенностям их когнитивной обработки. Иными словами, они характеризуются собственной спецификой процессов концептуализации и категоризации мира.

В едином речемыслительном процессе данные уровни субъект-объектного взаимодействия с окружающей действительностью формируют сложные сети отношений, чем и достигается интегрированный характер процесса познания. Их выделение – результат соблюдения главного требования научного анализа, положенного в основу данного исследования. Оно заключается в соблюдении строгого соответствия одной когнитивной функции только одному уровню познания.

Уровень эмпирического познания первичен. В его основе лежат чувственное восприятие и сопутствующая ему практическая деятельность. Они позволяют субъекту познания осуществлять концептуализацию конкретно-предметных сущностей в рамках их онтологических признаков. Результатом эмпирического познания является формирование предметных концептов, представляющих собой многообразие и фрагментарность мира. В своей совокупности они охватывают пространство отдельных сущностей и их перцептивно воспринимаемых, объективных свойств.

Отражательно-регистрирующая специфика эмпирического познания не предполагает осуществления на данном когнитивном уровне процессов концептуализации и категоризации в их полном объеме. Для этого требуется интеграция с деятельностью мыслительной, которая представлена понятийным осмыслением и осмыслением интерпретативно-оценочным.

Понятийное осмысление носит объективно-логический характер. Оно представляет собой уровень проникновения в сущность реальной действительности с целью понять особенности ее устройства. Такой способ ментальной обработки имеющейся информации и знаний предполагает системность, которая, выходя за пределы чувственного восприятия, значительно расширяет возможности познания. В результате происходит формирование концептов и категорий, обобщающего потенциала которых достаточно для того, чтобы в наиболее общих чертах «охватить» все пространство реальной действительности. Иными словами, создаются базовые концептуально-категориальные смыслы, которые обеспечивают целостность и успешность процесса познания. В их основе лежат универсальные категории и мыслительные стратегии, образующие в своей совокупности общую для отдельной лингвокультурной общности систему когнитивных схем осмысления мира.

Интерпретативно-оценочное осмысление вторично. Оно опирается на результаты предшествующих уровней познания. Его основными признаками являются субъективность, индивидуальность и производность. Данный уровень познания включает интерпретацию и оценку как частную форму ее проявления. В своей совокупности они приводят к формированию особой системы понимания и объяснения мира. Иерархически завершая общий процесс познания, интерпретативно-оценочное осмысление выступает в качестве ведущего в общей речемыслительной деятельности, т.к. в рамках коммуникации обеспечивает фокусировку внимания на определенном фрагменте реальной действительности, его участниках и их отдельных признаках.

Многоуровневый и универсальный характер познания обуславливает многоуровневость и универсальность функциональной представленности субъекта познания. На основании того, что из всех выявленных в лингвистике антропоцентрических координат собственно когнитивными являются три, а именно: наблюдатель (в данном исследовании во избежание терминологической многозначности обозначенный как субъект эмпирического познания), интерпретатор и субъект оценки, и последние две координаты в широком смысле осуществляют единую интерпретативно-оценочную деятельность, становится ясной необходимость поиска новой координаты. Данная координата репрезентирует уровень первичного осмысления. На этом основании она терминологически определяется как субъект понятийного осмысления. В результате соотношение 'координатная представленность субъекта познания – основные уровни познания' является следующим:

- эмпирическое познание → субъект эмпирического познания;
- понятийное осмысление → субъект понятийного (первичного, базового) осмысления;
- интерпретативно-оценочное осмысление → субъект вторичного (интерпретативно-оценочного) осмысления (интерпретатор и субъект оценки).

Специфика иерархической организации общекогнитивной деятельности обусловлена особенностями процессов концептуализации и категоризации на каждом уровне познания. В проводимом исследовании она фиксируется статусом каждой из координат функциональной представленности субъекта познания относительно параметра 'базовости – производности'. В результате субъект эмпирического познания выступает в качестве первичной антропоцентрической координаты и определяется как начальная координата процесса познания, основным свойством которой является перцептивная способность индивида взаимодействовать с окружающей действительностью в рамках чувственного восприятия или предметной деятельности. Субъекту понятийного осмысления приписывается базовый характер. Это отражено в его определении как базовой координаты процесса познания, с помощью универсальных когнитивных механизмов осуществляющей отбор наиболее существенных знаний для концептуализации и категоризации мира и их системную конфигурацию. Субъект вторичного осмысления является координатой производной. Этот статус применим к двум конкретным координатам его проявления – интерпретатору и субъекту оценки. По определению, основное свойство интерпретатора заключается в способности субъективного понимания и объяснения реальной действительности посредством наложения индивидуальной сетки концептуальных структур на знания, уже имеющиеся и представляющие собой результат созданных в рамках предшествующих видов когнитивной деятельности первичных концептов и базовых моделей концептуализации и категоризации, и знания, вновь полученные. В свою очередь, субъект оценки характеризуется избирательностью и целенаправленностью деятельности, в основе которой лежит потребность подвести познаваемую сущность под определенный выбранный оценочный критерий.

Результаты системного анализа уровней познания и соответствующих им координат функциональной представленности субъекта познания в наиболее общем виде отражены в нижеприведенной таблице (см. таблица 1):

Таблица 1.

<i>Координата функциональной представленности субъекта познания</i>	<i>Уровень познания</i>	<i>Тип осуществляемой когнитивной деятельности</i>	<i>Статус в целостном процессе познания</i>
субъект эмпирического познания	эмпирический	восприятие и предметная деятельность	первичный
субъект понятийного осмысления	понятийный	понятийное обобщение	базовый
субъект интерпретативно-оценочного осмысления (интерпретатор и субъект оценки)	субъективный, вторичный (интерпретативно-оценочный)	интерпретация и оценка	производный

Уровневый характер познания проявляется в уровне характере организации языка как особой системы его репрезентации. Выделение уровней лексической, грамматической и модусной категоризации [Болдырев 2005а, 2005б, 2006] доказательно подтверждает правомерность целого ряда выводов:

- вывода о речемыслительной деятельности как результате взаимодействия трех онтологических систем – мира, языка и человека (его сознания);

- вывода о ведущем типе знания для каждой онтологической системы;

- вывода о трех аспектах гносеологической функции языка.

Целостность антропоцентрической системы функциональной представленности субъекта познания, предполагающая тесное взаимодействие всех выявленных координат, обуславливает интегративный характер выдвигаемой концепции. Он позволяет учитывать особенности взаимодействия всех видов когнитивной деятельности субъекта познания и языковых уровней их репрезентации и показать многоуровневость и сложность конфигурации знаний в общем процессе познания.

Предлагаемая концепция позволила сформулировать основные положения теории концептуальной конфигурации, включающей новый метод концептуально-конфигуративного анализа. Этот метод логично развивает метод концептуального анализа. Он позволяет рассматривать деятельность субъекта познания как когнитивно-языковую конфигурацию знаний, которая включает в себя ориентацию на набор обусловленных уровнями познания стратегий концептуализации и категоризации и их языковую репрезентацию на уровне определенных языковых категорий. С его помощью становится возможным показать антропоцентрическую направленность языковой конфигурации знаний, смоделировать языковую систему как процесс и результат иерархически-организованной когнитивно-языковой деятельности субъекта познания и выявить особенности языковой репрезентации основных координат функциональной представленности субъекта познания на уровне

языковых категорий в рамках системы конкретных языковых средств, характерных для отдельно взятого языка.

Решение поставленных задач опирается на ряд выдвигаемых в ходе исследования принципов конфигурации знаний. *Принцип концептуально-категориальной обработки информации* заключается в том, что формирование знаний опирается на два основных процесса познавательной деятельности – концептуализацию и категоризацию. Второй принцип – *структурированности когнитивной деятельности субъекта познания* – предполагает, что данные процессы познания имеют определенную специфику на каждом из выделяемых уровней когнитивной деятельности. Учет третьего принципа – *концептуальной системности* – акцентирует признание важности концептуальной основы для процесса познания. Он позволяет объяснить иерархию основных уровней когнитивной деятельности и особенности конфигурации знаний на каждом из них. Данный принцип лежит в основе положения о языке как особой части концептуальной системы, в рамках которой осуществляется репрезентация различных типов конфигурации. Четвертый принцип – *категориальной системности* – основан на целесообразности и актуальности исследования языка на уровне его категорий [Лабов 1983, Болдырев 2005а, 2005б]. Он обусловлен необходимостью решения проблемы языковой репрезентации знаний как проблемы категориальной представленности в языке основных типов когнитивной деятельности. В основе пятого принципа – *соответствия типов когнитивной деятельности и уровней категориальной организации языка* – лежит положение о том, что тесная взаимосвязь языка и сознания в рамках целостной речемыслительной деятельности накладывает отпечаток на устройство языковой системы. Данный принцип отражает стремление языка к наиболее адекватной и полной репрезентации знаний. Это достигается за счет определенной корреляции уровней языковой категоризации и уровней когнитивной деятельности субъекта познания.

Учет перечисленных принципов позволяет сформулировать основное положение, касающееся специфики конфигурации: конфигурация знаний задается субъектом познания на различных уровнях когнитивной деятельности в рамках процессов концептуализации и категоризации и подлежит репрезентации в языке как особой системе конфигурации – конфигурации языковой – на категориальном уровне. Каждый тип конфигурации знаний получает свою репрезентацию на конкретном ведущем языковом уровне, характеризуется собственными когнитивными и языковыми механизмами и системой средств их актуализации. С каждым последующим этапом конфигурации знаний увеличиваются субъективность, степень обобщения и креативности. Иными словами, возрастает глубина познания мира.

Принимая во внимание потенциальную дейктичность всей языковой системы в смысле включенности дейктического компонента, соотносящего знак с деятельностью человека, в семантику любой языковой единицы, категории и структуры, представляется целесообразным рассматривать средства языковой конфигурации знаний на каждом уровне познания в качестве

средств репрезентации субъекта познания. Наиболее дейктически ориентированными на субъект познания выступают те лексические единицы, морфологические категории и формы, а также синтаксические конструкции, значение которых содержит в себе особый компонент, прямо или косвенно указывающий на конкретную когнитивную деятельность субъекта познания, активизацию им определенной когнитивной стратегии и осуществление того или иного когнитивного механизма.

В ходе анализа, проводимого на материале современного английского языка, были выявлены следующие особенности репрезентации исследуемой системы координат функциональной представленности субъекта познания.

Субъект эмпирического познания проявляется в языке как субъект первичной конфигурации знаний. Она лежит в основе становления целостной концептуальной системы и в рамках проводимого исследования определяется как несистемная переработка знаний об онтологии мира. Суть первичной концептуальной конфигурации заключается в выделении конкретных предметных сущностей как отдельных материально целостных категорий на основании тех их онтологических признаков, которые воспринимаются органами чувств и соответственно перерабатываются (в данном случае, объединяются и включаются) в конкретно-предметные концепты.

Основным задействованным когнитивным механизмом выступает обобщение. Его материализация в языке осуществляется с помощью номинации. Порождая большое количество слов языка, она, тем не менее, не охватывает всего словарного состава. Это объясняется ограниченностью когнитивного потенциала восприятия физическими возможностями субъекта эмпирического познания.

В качестве языкового уровня репрезентации данной антропоцентрической координаты выступает лексический. Он указывает на субъект познания двумя группами слов, а именно: существительными, обозначающими конкретно-предметные концепты, и словами различной частеречной принадлежности (преимущественно прилагательными и глаголами), номинирующими перцептивно воспринимаемые признаки. Обе группы выступают в качестве особой языковой параметрической системы, которая обеспечивает возможность дальнейшей конфигурации знаний. В своей совокупности они репрезентируют диапазон эмпирического (непосредственного) знания, получившего в сознании субъекта познания наибольшую выделенность.

Слова, обозначающие признак, указывают на конкретные типы эмпирического взаимодействия субъекта познания с миром. Они, таким образом, профилируют когнитивную способность данной антропоцентрической координаты вычленять и опознавать объективно присущие предметному миру концептуальные признаки. Субъект зрительного восприятия представлен лексическими единицами, номинирующими цвет и цветовую насыщенность (*white, black, grey, yellow, orange, pink, red, purple, green, blue, brown, light, pale, dark, etc.*), размер (*large, small, high, low, long, short, wide, narrow, thick, thin, etc.*), форму (*round, square, oval, straight, smooth, flat, even, crooked, curved, sharp, shapeless, circle, etc.*), зрительно воспринимаемые функциональные

возможности (*run, jump, fly, crawl, walk, go, wag, climb, swim, curl, wave, sit, stand, lie, etc.*). Указание на слуховую активность характерно для слов, обозначающих звук и действия, связанные с его производством (*murmur, roar, croak, quack, shriek, moo, hiss, squeak, creak, crunch, whistle, chime, clatter, slam, shoo, flap, flop, bang, rumble, rattle, scream, sing, cry, shout, etc.*), а также его интенсивность (*loud, low, silent, etc.*). На вкусовое восприятие преимущественно указывают прилагательные, материализующие вкусовые особенности предметных сущностей (*bitter, sweet, sour, acid, spicy, savoury, mouldy, fresh, tasteless, etc.*). Субъект обоняния получает репрезентацию в словах, номинирующих запахи (*acid, sweet, rank, stink, stench, etc.*), субъект осязания – в словах, обозначающих температурные особенности (*hot, sultry, warm, cool, chilly, cold, etc.*), влажность / сухость предмета (*wet, humid, moist, damp, dry, etc.*). Субъект предметной деятельности представлен соответствующими глаголами (*press, squeeze, bite, throw, pull, tear, fry, roast, boil, cut, write, etc.*), а также прилагательными, номинирующими степень плотности / хрупкости материала (*soft, hard, fragile, solid, firm, strong, etc.*), вес (*light, heavy*), которые, в свою очередь, выявляются в результате манипуляции с предметами.

На уровне языкового функционирования в своем прямом номинативном значении слова данной группы служат целям концептуального выделения предметной сущности по определенному признаку. Сохраняя свой потенциал указывать на конкретный вид эмпирической активности, они репрезентируют способность субъекта познания избирательно фокусировать свое внимание на признаках, которые позволяют ему выявлять объективную специфичность концептуализируемой сущности (*The last time I saw her she looked yellow and thin* [BNC]; *'Didn't think you were coming tonight,' Katherine heard her murmur* [BNC]; *The butter was rancid, the eggs were overdone, the ham was too salt* [Irving 1982: 101]; *At once the room was filled with the sweet, fresh smell of mint* [BNC]; *She felt cold night air on her face* [BNC]).

Наименования признаков, формируя основную параметрическую систему конфигурации знания о предметном мире, служат семантической основой его первичной концептуализации. Эксплицитное подтверждение этому в языке проявляется в случаях описательной номинации, которая имеет место, если конвенциональное название той или иной сущности отсутствует либо не представляется возможным в силу определенных коммуникативно обусловленных причин. Как правило, это номинативные словосочетания, состоящие из неопределенного местоимения или, реже, существительного обобщающей семантики и относящихся к ним прилагательных или атрибутивных комплексов с указанием на перцептивные признаки (*Something thick and warm fell about his heart if he lied* [Bates 1997: 173]; *Another waiter brought round a trolley on which were a number of half-eaten gateaux decorated with a white substance* [BNC]).

В группе слов, обозначающих конкретно-предметные сущности, признаки избирательной фокусировки внимания субъекта эмпирического познания выявляются в рамках анализа словарных дефиниций. Для каждой предметной сущности совокупность параметров-признаков является специфичной. Она

свидетельствует об особенностях ее первичной концептуализации. Обладая способностью создавать яркий и легко запоминающийся образ, что приводит к быстрому опознаванию предметов, она указывает на когнитивную активность субъекта познания – его способность объединять отдельные эмпирически воспринимаемые признаки и формировать конкретный концепт-образ и в дальнейшем пользоваться им как оперативной единицей сознания.

Данная группа слов номинирует концепты, которые характеризуются большой степенью значимости для субъекта. В реальном мире им соответствуют конкретные аналоги, тесно связанные с человеком и его жизнедеятельностью. Это: 1) объекты природного мира (дикие и домашние птицы и животные, рыбы, насекомые, цветы, деревья и кустарники, овощи, фрукты, ягоды, злаки, камни, минералы, металлы, элементы окружающей среды, ландшафтные и природные образования, места обитания животных, явления природы и проявления стихийных бедствий), 2) объекты предметной деятельности (одежда, обувь, украшения, продукты питания и приправы, напитки, жилища, здания, постройки для скота и хранения продуктов, части зданий, предметы мебели, посуда и емкости для хранения, орудия труда, инструменты, предметы домашнего обихода и предметы, необходимые человеку для его жизнедеятельности, музыкальные инструменты и транспортные средства), 3) чувственно воспринимаемые временные промежутки (время суток и времена года).

Анализ словарных дефиниций перечисленной группы слов, направленный на выявление сем, актуализирующих признаки, по которым та или иная предметная категория узнается субъектом познания, позволяет доказать, что первичная конфигурация знаний о каждой предметной категории или группе сходных категорий опирается на конкретные ведущие способы эмпирического взаимодействия с миром. Это, прежде всего, наблюдение, преобладающее в процессе конфигурации знаний о природных объектах, предметная деятельность, выступающая в качестве основной в процессе конфигурации знаний об объектах, созданных человеком, пространственно-временное восприятие в рамках личного опыта, характерное для конфигурации знаний о временных промежутках. Соответственно слова, номинирующие вышеназванные сущности, одновременно репрезентируют направленную и избирательную эмпирическую активность субъекта познания, его способность фокусировать свое внимание на достаточном наборе дифференцирующих признаков.

Так, например, выступая субъектом наблюдения за представителями животного мира, он, прежде всего, опирается на визуальные признаки (размер, форму, окрас, покров, характерные части тела и их особенности: *robin – 'small, brownish bird with red breast-feathers'* [OALDCE-II 1982: 230]; *camel – 'long-necked animals, with either one (dromedary) or two humps on its back, used in desert countries for riding and for carrying goods'* [OALDCE-I 1982: 121]), звуковые признаки (*goose – 'a bird that is similar to a duck but larger and makes a hissing (hiss) or honking (honk) noise'* [LDCE 1992: 450]; *cricket – 'small, brown insect, the male of which makes loud short noises by rubbing its leathery wings*

together' [LDCE 1992: 243]), а также признаки, характерные для одушевленных существей (особенности и возможности передвижения: *grasshopper* – 'an insect which can jump high and makes a sharp noise by rubbing its legs against its body' [LDCE 1992: 457]; *ostrich* – 'fast-running bird, the largest in existence, unable to fly, bred for its valuable tail feathers' [OALDCE-II 1982: 89], характерные действия и повадки: *squirrel* – 'a small animal with a long furry tail that climbs trees and eats nuts which it also stores for the winter' [LDCE 1992: 1024]; *woodpecker* – 'kinds of bird that clings to the bark of trees and taps or pecks it to find insects' [OALDCE-II 1982: 487]) и др.

В свою очередь, концептуализируя мир растений, субъект познания конфигурирует знания относительно зрительно воспринимаемых признаков (формы, размера, цвета, особенностей строения: *cactus* – 'a desert plant protected by sharp points (prickles), with thick fleshy stems and leaves' [OALDCE-I 1982: 134]; *carrot* – '(plant with) yellow or orange-red root used as a vegetable' [OALDCE-I 1982: 128]; *strawberry* – '(perennial, low-growing plant having) juicy red fruit with tiny yellow seeds on its surface, eaten raw and in jam' [OALDCE-II 1982: 350]), запаха (*rose* – '(the usu. red, pink, white, or yellow sweet-smelling flower of) any of various wild or cultivated bushes with strong prickly stems' [LDCE 1992: 909]; *onion* – 'vegetable plant with a round bulb of many concentric coats, a strong smell and flavour, used in cooking and pickled' [OALDCE-II 1982: 83]), степени плотности и консистенции (*cucumber* – 'a long thin round vegetable with a dark green skin and light green watery flesh, usu. cut in pieces and eaten raw' [LDCE 1992: 250]; *tomato* – '(plant with) soft, juicy, red or yellow fruit usu. eaten with meat, in salads, and in sauces' [OALDCE-II 1982: 406]), а также наличия характерных для них плодов и цветов (*larch* – 'a tall upright tree with bright green needle-like leaves and hard-skinned fruit (cones)' [LDCE 1992: 587]; *rice* – '(plant with) pearl-white grain used as a staple food everywhere' [OALDCE-II 1982: 224]; *maize* – '(the seed of) a type of tall plant grown, esp. in America and Australia, for its ears of yellow seeds' [LDCE 1992: 632]), вкуса (*beet* – 'sorts of plant with a sweet root' [OALDCE-I 1982: 72]; *pepper* – '(a plant with) a large round or long narrow red, green, or yellow fruit used esp. as a vegetable, with a special, sometimes hot taste' [LDCE 1992: 762]) и др.

Способами репрезентации субъекта предметной деятельности выступают глаголы, в составе словарных дефиниций указывающие на вид деятельности, в которой или для которой используется предметная сущность (например, *chair* – 'a piece of furniture for one person to sit on, which usually has a back, a seat, four legs, and sometimes arms' [LDCE 1992: 157]), прилагательные, обозначающие вес или степень плотности / хрупкости предмета, которые выявляются в рамках физической деятельности (*apple* – 'the fruit of this tree, having red, yellow, or green skin and crisp whitish flesh' [Collins]; *axe* – 'a tool with a heavy metal blade on the end of a long handle, used to cut down trees or split logs' [LDCE 1992: 61]; *glass* – 'a transparent solid easily-broken material made from sand melted under great heat and used esp. to make windows and containers for liquids' [LDCE 1992: 440]).

Репрезентация субъекта восприятия пространственно-временных промежутков, который опирается на длительное наблюдение за ними и личный опыт, осуществляется путем указания на их эмпирически воспринимаемое проявление (*autumn* – ‘the season between summer and winter, when leaves change colour and fruits become ripe’ [LDCE 1992: 59]; *winter* – ‘the season between autumn and spring, when it is cold’ [LDCE 1992: 1208]; *night* – ‘the dark part of each 24-hour period, when the sun cannot be seen’ [LDCE 1992: 700]), характерную деятельность человека (*morning* – ‘the first part of the day, from time when the sun rises, usually until the time when the midday meal is eaten’ [LDCE 1992: 678]; *evening* – ‘the end of the day and early part of the night, between sunset or the end of the day’s work and bedtime’ [LDCE 1992: 347]).

На уровне языкового функционирования рассмотренная группа слов включает субъект эмпирического познания в общий процесс конфигурации смысла как в качестве самостоятельной и, часто, ведущей антропоцентрической координаты, так и координаты, деятельность которой интегрирована в процесс вторичной конфигурации знаний. В первом случае имеет место употребление данных лексических единиц в их прямом денотативном значении с целью концептуализации эмпирически воспринимаемых ситуаций (*Then I saw a big easy chair before the fire and a shining tea table with smaller chair beside it* [Webster 1988: 159]; *She watched him swallow a red pill and then a yellow and black one* [BNC]), конкретизации отдельно наблюдаемых объектов (*His hair was still wet* [Maugham 2001: 43]; *It was small and black, with white paws and a white patch on its chest* [BNC]), а также их особого категориального выделения в рамках дифференцирующих признаков (*There were two panthers there ... Yes, spotted panthers* [Wells 1995: 7]; *In some ways it resembled a flying fox, common throughout Malaysia; in some ways it resembled a rat, but its easy flight and way of walking proclaimed it a bird* [BNC]; *The sweet smell comes to me and I recognise it as horse sweat* [BNC]). Во втором случае эти лексические единицы выступают необходимыми опорами для вторичной образной и / или оценочной концептуализации других предметных сущностей и их характеристик. Они служат ассоциативными точками отсчета, своеобразными эталонами образов, хранящихся в сознании индивида (*Even Harvey, who had a dark complexion, had gone the colour of a boiled lobster* [BNC]; *By the end of this period, it had grown to the size of a grapefruit* [BNC]; *But he refused to allow her rapier-sharp tongue to find its mark this night* [Vinet 1993: 8]). Оперирование данными образами для профилирования конкретной субъективно выделяемой характеристики концептуализируемой сущности характерно для интерпретативно-оценочного осмысления в процессе активизации таких когнитивных механизмов переосмысления, как концептуальное сравнение (*Her hand felt like stone in his* [Vinet 1993: 7]; *William thought of that voice being like a bee in a window-pane in summer* [Bates 1997: 165]) и концептуальная метафора (*And the place is a nut we’re hardly likely to crack with an army, let alone this handful of us* [BNC]; *Mr. Warburton’s smile of greeting froze on his face* [Maugham 1997: 44]; *‘Temptation has a bitter taste,’ he said, shaking his head* [BNC]).

Субъект понятийного осмысления репрезентирован в языке в рамках базовой конфигурации знаний, представляющей собой системное языковое видение логического устройства мира, которое, в свою очередь, заключается в избирательном распределении акцентов на характеристиках реальной действительности, выбранных субъектом познания как представителем отдельной лингвокультурной общности в качестве ключевых. Данный тип конфигурации осуществляется субъектом познания сознательно и целенаправленно. Он ориентируется на онтологию языка и приводит к формированию языковой системы концептов и категорий, позволяющей представлять мир относительно наиболее общих характеристик, связей и отношений.

Параметрами базовой конфигурации знаний выступают универсальные категории и стратегии сознания. Их когнитивно-языковое преломление осуществляется субъектом познания с помощью наиболее общих когнитивных механизмов, лежащих в основе его деятельности. К ним относятся систематизация, сравнение, обобщение, абстрагирование, конкретизация, а также профилирование и точка отсчета. Языковыми механизмами их материализации являются прототипические значения морфологических форм, значения синтаксических конструкций, значения лексем и общий контекст предложения-высказывания.

В качестве ведущего уровня базовой конфигурации знаний выступает уровень грамматической категоризации. Его абстрактность, стабильность, системность, универсальность и целостность позволяют закрепить фундаментальные, существенные для познания и построения целостной концептуальной системы носителей определенного языка характеристики, отношения и связи и упорядочить сформированные знания в сознании. В английском языке грамматическая система базовой конфигурации включает части речи, словообразовательные и лексико-грамматические категории, члены предложения, формы морфологической категории числа, артикля, видовременные формы глагола, формы степеней сравнения имен прилагательных и наречий, переходную и непереходную синтаксические конструкции. Она обеспечивает возможность языкового функционирования, т.к. лежит в основе номинации, с одной стороны, и синтактико-морфологического оформления предложения-высказывания, с другой. Материализуя ту или иную конфигурацию знания, вышеперечисленные грамматические категории, формы и конструкции закрепляют ее на уровне языковой системности. Одновременно они выполняют определенную дейктическую функцию – отсылают к субъекту познания как активной мыслительной сущности, задействующей целый ряд когнитивных способностей, стратегий и действий. К основным относятся: 1) профилирование категориальных характеристик; 2) конкретизация, категориальное обобщение и противопоставление отдельных предметных сущностей и категорий; 3) выявление признакового сходства, различий и превосходства; 4) ментальное соотнесение действия с моментом концептуализации и другими действиями.

Способность субъекта понятийного осмысления фокусировать свое внимание на отличительных характеристиках отдельных категориальных областей, выделяемых им самим в качестве наиболее важных в процессе активизации когнитивного механизма профилирования, репрезентирована в английском языке на уровне системно заданных морфологических форм категории числа и вида (аспекта). Они конфигурируют знания о количественном проявлении категориальной области предметности и признаке пространственно-временной протяженности действия соответственно.

Форма множественного числа собирательных существительных, имен собственных, существительных с семантикой парности, отдельной и специфичной для английской лингвистической культуры группы *Pluralia Tantum* и форма единственного числа абстрактных, вещественных существительных, имен собственных с единичной референтной отнесенностью, существительных группы *Singularia Tantum*, а также лексические и грамматические языковые средства экспликации концепта 'количество' (местоимения и существительные количественной семантики, количественные числительные, формы грамматического числа глаголов) в общем контексте предложения-высказывания указывают на субъект познания, который формирует систему прототипических категориально-специфичных смыслов. Являясь фактом системной языковой конфигурации, они указывают на субъект познания как антропоцентрическую точку преломления знаний о ряде объективных признаков и характеристик отдельных предметных категорий. Это, прежде всего:

- включенность отдельных представителей в собирательную категорию (*I had the meat of one hundred cattle and three hundred sheep to eat on the journey* [Swift 2005: 209]; *Then I hear the footsteps; not one but of several people approaching* [Laurence 1984: 250]; *As a result of their stance, very few clergy read the Declaration* [BNC]; *'I know these vermin!' he declared* [BNC]; *The rich get richer and the poor get poorer* [LDCE 1992: 897]);

- категориальное равноправие в категории уникальных сущностей с некоторым количеством референтов (*The Browns are pleased they'll have the money to pay for all Eleanor's special needs, like school bills of 23,000 pounds a year* [BNC]; *The Alps were compelling, but only as part of the scenery, not as the winter activity playground they were to become* [BNC]; *The Highlands are teeming with fascinating creatures, and witnessing any of them going about their daily business is an exciting privilege* [BNC]);

- наличие четко выраженных одинаковых частей в категории парных существительных (*He took up a pair of black flesh-tights and drew them on, and tied them about his fat belly* [Bates 1997: 167]);

- включенность различных форм проявления, устройства категорий, номинированных существительными группы *Pluralia Tantum* (*Nobody else could have worn those clothes --; the bags!* [BNC]; *Goods manufactured in automated factories are, as a rule, cheaper and more reliable* [BNC]);

- однородность вещественных категорий (*They travelled upwards slower than grass grows* [BNC]);

- целостность проявления абстрактных сущностей и категорий, номинированных существительными группы *Singularia Tantum* (*He expressed sympathy and it was received with complacency [BNC]; Though money was important to him, his pride would not permit it... [Hailey 1976: 13];*

- отсутствие каких-либо других форм проявления уникальных категорий с единичной референтной отнесенностью (*Jenkins dresses like a character in Punch [Chesterton 1997: 36]; "Little Women" is published by Puffin Books [BNC]*).

Форма прогрессива, например, английских акциональных глаголов выступает формой актуализации выделенности характеристики длительности в сознании субъекта понятийного осмысления. Она указывает на выбор субъектом познания особого ракурса концептуализации активного действия как развивающегося в пространственно-временном континууме, экспликация которого в контексте предложения-высказывания осуществляется обстоятельствами времени, указывающими на начало действия (*From this moment on the sailors were passing through virgin territory [BNC]*), определенный временной промежуток (*We will be publishing pictures of two of these in each issue from now until January 1992 [BNC]*), другое действие, происходящее одновременно с концептуализируемым (*They were still sitting together when Hotspur came from the prince's apartments [BNC]*).

Способность субъекта понятийного осмысления конфигурировать знания о предметных сущностях и их признаках относительно определенных категориальных взаимосвязей, также обусловленная когнитивной потребностью представить реальную действительность в ее целостности, актуализируется в английском языке с помощью форм артикля, степеней сравнения прилагательных и наречий, лексических единиц конкретизирующей, выделительной, обобщающей и компаративной семантики, категоризирующих и компаративных синтаксических конструкций, морфологической формы настоящего неопределенного времени, актуализирующей обобщенность. Данные языковые средства одновременно профилируют различные когнитивные стратегии и указывают на субъект познания, который оперирует целой системой знаний о концептуализируемых категориях и общем категориальном пространстве реальной действительности, с одной стороны, и ориентируется на интерпретативную составляющую коммуникативного акта, с другой стороны. Целенаправленная и намеренная активизация шести нижеперечисленных стратегий обеспечивает безграничные возможности установления концептуальных и категориальных связей между любыми сущностями и категориями (как объективно общими, так и совершенно различными) и их признаками.

Репрезентация субъекта познания в рамках конкретизирующей стратегии познания, приводящей к особому выделению концептуализируемой сущности из всей категории предметов, в английском языке осуществляется формой определенного артикля, указательными и притяжательными местоимениями.

Указательная семантика определенного артикля, профилирующая обособленность предметной сущности в том категориальном множестве, членом которого она является, обеспечивает возможность дейктической

отсылки к субъекту познания, акцентирующему ее особую выделенность в сознании. В свою очередь, средства экспликации признаков и характеристик, обуславливающих индивидуальность, неповторимость и своеобразие концептуализируемой предметной сущности, в качестве которых выступают атрибутивные единицы ограничивающей и выделительной семантики, материализуют когнитивные основания для этого (*Alex Vandervoort litghed the cigarette which the bank president took* [Hailey 1976: 7]; *Isabel finally turned to regard the girl sitting next to her* [BNC]; *Martica Heaner is the person to listen to* [BNC]; *The car of shop assistant Miss Ruth Stevens, aged 33, who disappeared eight days ago in Warminster, Wiltshire, was found in Islington, north London* [BNC]; *In contrast with the night before, I slept scarcely at all* [BNC]; *This little tool is the very thing for turning stiff taps* [LDCE 1992: 1171]). Форма настоящего неопределенного времени глагола и слова, являющиеся наименованиями категорий суперординатного уровня и занимающие синтаксическую позицию составного именного сказуемого, позволяют вербализовать когнитивную выделенность целой категориальной области (*The wasp (=not any other insect or animal) strays in, eats a little honey, warms itself, tries to sting and travels out to some winter lair* [BNC]; *The elephant (=not any other being) is the noblest creature in the world* [McCullough 1992: 3]; *Bearing in mind that the knife (=not any other instrument or weapon) is a lethal weapon, what happens if you get it wrong?* [BNC]).

Указательные местоимения репрезентируют тот факт, что категориальная специфичность предметной сущности определяется включением либо исключением из личного физического или ментального пространства субъекта познания (*The take-up of this new procedure has been good* [BNC]; *'Don't you remember those visitors throwing food over the wall yesterday?' replied Minky* [BNC]).

Дейктический потенциал притяжательных местоимений служить средством актуализации рассматриваемой деятельности субъекта познания обусловлен их способностью включать определяемую ими предметную сущность в то или иное социальное или функциональное взаимодействие с лицом (например, *She also received a monthly allowance from her mother* (родственные отношения) [BNC]; *Then she stood up and led her friend to the door* (личные отношения) [BNC]; *I had had nothing but glowing reports from her teacher* (социальные отношения) [BNC]; *Her book, substantially as she wrote it, was still in print, and selling, a hundred years after its original publication* (отношение 'создатель - продукт') [BNC]; *He read for a quarter of an hour and Lyn read, and then Lyn put her book face downwards on the floor by the cat's basket* (отношение 'деятель - объект действия') [BNC]).

Репрезентация субъекта познания в рамках обобщающей стратегии познания, которая позволяет осмысливать предметную сущность относительно ее категориальной принадлежности, осуществляется формой неопределенного артикля и неопределенными местоимениями обобщающей семантики *any, every, each*.

Когнитивная потребность конфигурации знаний о предметной категории безотносительно признаков и характеристик, определяющих ее специфичность

и индивидуальность, с помощью неопределенного артикля дополнительно эксплицируется в контексте предложения-высказывания синтаксическими конструкциями категоризирующего типа (*I supposed he'd been a clerk in some English firm or an assistant in an English store at Singapore or Kuala Lumpur* [Maugham 1995: 191]; *Mr. Warburton flattered himself that he had the best cook, a Chinese, in Borneo* [Maugham 1997: 45]; *Rowan walked up the path like a robot* [Green 1983: 123]; *In every room there was a stairway in one corner leading up to the room above* [BNC]; *Anybody have a cigarette?* [Hailey 1976: 7]; *What a day you've brought with you!* [BNC]), формой настоящего неопределенного времени глагола (*A man does not by nature wish to earn more and more money* [BNC]; *When a child goes to school he or she is not only confronted with the traditional school subjects, but also with codes and practices governing behaviour* [BNC]), лексическими единицами модусной категории аппроксимации *a sort of, a kind of* (*He jumped out and came galloping down the street, waving a sort of a club* [BNC]). Семантика неопределенных местоимений позволяет дополнительно профилировать такие когнитивные основания для категориального обобщения, как возможность произвольной фокусировки внимания на любой предметной сущности, входящей в данную категорию (*Any child would know that* [LDCE 1992: 36]), а также всеобщий охват номинируемой предметной категорией ее отдельных членов (*Each country develops its own ways of using television to promote its own tastes and values* [BNC]).

Репрезентация субъекта познания в рамках абстрагирующей стратегии познания, которая активизируется им с целью противопоставить отдельную предметную категорию всему категориальному пространству, возможна в английском языке с помощью формы нулевого артикля, в большинстве случаев интегрированной с формой множественного числа имен существительных (*Diagrams have their own beauty, but it is just the other sort* [Chesterton 1997: 11]).

Дейктическое указание на субъект познания, который устанавливает сходство или выявляет аналогию с целью конфигурации знаний относительно одинаковой степени проявления того или иного признака у различных предметных категорий осуществляется формой положительной степени сравнения, синтаксических конструкций 'so/as ... as' и 'so/neither + вспомогательный глагол + существительное / местоимение в синтаксической роли подлежащего', а также лексических единиц с семантикой сходства и аналогии (*the same, alike, like, also, too, either, etc.*).

Положительная степень сравнения прилагательного или наречия в предложной компаративной конструкции '(as)...as' / '(so)...as' указывает на субъект познания, который осуществляет ассоциативный поиск конкретного и четкого образа концептуализации предмета или его признака, привлекая для этого весь объем имеющихся экстралингвистических знаний (*Everything now is set in ice, mast-high, floating by, as green as emerald, as green as her eyes* [BNC]; *He had been fighting against fire in the same place as desperately as he was fighting against water now* [BNC]). В свою очередь, отдельные лексические единицы (*same, like, alike, similar, similarity, also, too, either*) и синтаксическая конструкция 'so/neither + вспомогательный глагол + существительное /

местоимение в синтаксической роли подлежащего' репрезентируют результат сопоставления – факт наличия сходства или аналогии. Они косвенно указывают на то, что сравнение уже произошло (*When not working the girls dressed alike in black tight pants, black leather jackets and black suede boots [BNC]; When he asked questions they came out like statements [BNC]; In effect, decisions of this kind are also, if indirectly, political [BNC]; The miners were defeated and so were they [BNC]*).

Субъект познания, выявляющий различия, привлекает знания о двух категориальных областях, выбранных им для сравнения, или сравнивает особенности проявления признаков, которые вычлняются в предметных категориях безотносительно целостного концептуального знания о них. Дейктическим потенциалом указания на осуществление данной когнитивной стратегии обладают форма сравнительной степени сравнения, часто интегрированная в компаративную конструкцию с союзом *than* (*The name of the girl was displayed in larger and heavier type than the rest [Bates 1997: 166]; Nothing can travel faster than light [BNC]*), синтаксическая конструкция '*not so/as ... as*' (*It was not as comfortable as my bed in Lilliput, but I did not mind [BNC]*), лексические единицы с семантикой различия (*differ, different, unlike, etc.*, например, *And although they don't sound that dissimilar, they are in fact very different [BNC]; And, unlike some animal lovers, she likes people [BNC]; She says it is unfortunate that there is a contrast between England and Russia [BNC]*).

Сравнение с целью выявления превосходства предполагает поисковую активность субъекта познания в рамках определенного категориального пространства, в котором отдельная предметная сущность выделяется в силу наивысшей степени проявления ее признака. Объем знаний, используемый для выявления превосходства, ограничивается, таким образом, одной категориальной областью. Более того, поисковая активность субъекта познания концентрируется только на одном признаке ее отдельных членов. Субъект данной когнитивной стратегии конфигурации знаний репрезентирован в языке морфологической формой превосходной степени сравнения (*It is your best work, Basil, the best thing you have ever done [Wilde 1994: 8]*).

Способность субъекта понятийного осмысления осуществлять целый ряд ментальных действий, а именно моделировать временное пространство настоящего, активизировать память, осуществлять планирование и прогнозирование действий, соотносить их друг с другом репрезентирована в английском языке формами морфологической категории времени, формой перфекта и обстоятельствами времени с семантическим указанием на временные промежутки и пространственно-временную соотнесенность.

Форма настоящего времени указывает на способность субъекта познания моделировать сферу настоящего как особый временной континуум, который включает момент концептуализации и не имеет четко заданного предела, т.к. охватывает действие целиком. Последнее, в свою очередь, может характеризоваться:

- большой длительностью, профилируемой лексико-грамматическим значением неопределенных глаголов (*I'm in the Army – not got anything to speak of*

outside my pay [Christie 1995: 63]), морфологической формой продолженного вида (*That surely ought to be what we are discussing today* [BNC]), обстоятельствами времени с семантическим указанием на определенный промежуток времени (*Now I serve his son* [Christie 1995: 55]);

- разорванностью во времени, профилируемой обстоятельствами времени с семантикой регулярности и частотности (*She only repeats over and over the mother-word. "There, there. There, there"* [Laurence 1984: 66]; *We meet with the French regularly so it is important we can converse and understand each other* [BNC]);

- перманентностью, профилируемой неопределенными наречиями с семантическим указанием на определенное регулярное постоянство и формой неопределенного вида глагола (*Needless to say, they usually undervalue the property and never inspect it thoroughly* [BNC]; *No, I shall do as I always do* [BNC]).

Форма прошедшего времени отсылает к координате субъекта понятийного осмысления, осуществляющего ретроспекцию, восстановление события из памяти, обращение к прошлому опыту. Отделяя действие от момента концептуализации и исключая его из области реально происходящего, субъект познания соотносит его с определенным временным промежутком. Данный промежуток предшествует моменту концептуализации и выступает объективной временной точкой отсчета. Его экспликация в контексте предложения-высказывания возможна с помощью обстоятельств времени, указывающих на момент времени в прошлом (*When the doctor came down yesterday to put me in the cab, he told me that for three days they gave you up* [Webster 1988: 157]), *On a stormy night, in the tempestuous times of the French revolution, a young German was returning to his lodgings* [Irving 1982: 136]; *When I went on board I found Mr. Kelada's luggage already below* [Maugham 1995: 258]), а также глаголов с указанием на способность хранения и восстановления в памяти (*You were very busy that afternoon, as I remember* [Green 1983: 61]).

Морфологическая форма перфекта характеризуется дейктическим потенциалом указания на субъект познания, который конструирует пространственно-временной континуум реальной действительности относительно соотношения действий, которые субъект познания связывает в своем сознании отношения предшествования и результативности. Субъект познания, таким образом, выступает в роли активной мыслящей сущности, осуществляющей ориентацию в целостной цепи происходящего. Он соотносит одно действие с другим, выступающим ограничивающей его пространственно-временной точкой отсчета. В контексте предложения-высказывания дополнительная экспликация данного типа отношений осуществляется предлогами, наречиями и союзами с семантикой предшествования и результативности (*He stopped, and before the next word came something had happened almost too quickly...* [Chesterton 1997: 11]; *He gave up his ambitions to make a career in stage design after he had visited the homes of two other ballet designers* [Percival 1983: 32]; *They had just completed a grand tour of Anstey's*

[Christie 1995: 66]; *The navies will have finished the road by the time Anna's wedding comes around* [BNC]).

Субъект понятийного осмысления, который планирует, представляет, прогнозирует будущее действие и соотносит его с определенным временным промежутком, следующим за моментом концептуализации, опирается на опыт наблюдения за взаимосвязью событий, их следованием друг за другом и повторением в различные отрезки времени. В английском языке данная когнитивная способность репрезентирована преимущественно:

- формой будущего времени глагола (*I'll write a nicer letter in a few days and tell you all the farm news* [Webster 1988: 93]; *No doubt he'll tell you all about himself when you get to know him better* [Green 1983: 7]);

- формами настоящего неопределенного и настоящего продолженного времени глаголов движения (*She arrives in June* [BNC]; *My brother is coming up at the end of the week to take them back with him, and he'll tell them something then* [BNC]; *May I meet the person who is leaving?* [BNC]);

- глагольными сочетаниями с семантикой намерения, планирования, прогнозирования (*This is going to be the most difficult thing I've ever done* [Green 1983: 183]; *And that's what I intend to do with Silverstar, Rowan, my girl* [Green 1983: 183]; *'Do you realize,' he said, 'that the whole school is about to go up in flames today?'* [BNC]).

Субъект вторичного осмысления репрезентирован в языке как субъект сложной, опосредованной и многомерной индивидуальной концептуально-категориальной конфигурации. Опираясь на первичную систему знаний, которая включает в себя эмпирическое (непосредственное) знание и системное языковое знание, с одной стороны, и ориентируясь на собственные взгляды, мировоззрение, опыт, стереотипы, с другой стороны, он конструирует собственное видение реальной действительности, выделяет себя в качестве субъекта мысли. В рамках проводимого исследования данная антропоцентрическая координата рассматривается как активная сущность когнитивно-языкового моделирования мира, которая учитывает собственные цели познания, привносит в процесс осмысления личностный смысл и креативно использует язык для более точного объяснения мира.

Основными когнитивными механизмами, которые лежат в основе деятельности субъекта вторичного осмысления, выступают организация «фон – фигура», профилирование, ассоциативное сравнение, концептуальная метонимия, концептуальная метафора, концептуальная интеграция, а также когнитивные механизмы модусной категоризации. Их специфика заключается в сильном выделительном потенциале, конкретизирующем характере, ассоциативности и интегративности. В отличие от механизмов, которые задействуются субъектом познания на уровне первичной и базовой конфигурации знания и характеризуются высокой степенью обобщения, они позволяют вычленять отдельные стороны и признаки целостных и потому более сложных концептов, осуществлять их конкретное преломление. В результате обобщенность и абстрактность, присущие системе языка,

приобретают единичную конкретность, характерную и необходимую для ее речевого функционирования.

Репрезентация субъекта вторичного осмысления в языке осуществляется функциональным (несистемным) использованием морфологических форм и синтаксических структур отражательного типа, системой грамматических категорий и структур интерпретативного типа, модусными категориями, средствами связи в сложном предложении и дискурсе, а также лексическими единицами, номинирующими мыслительную деятельность. Они указывают на данную антропоцентрическую координату как на субъект знания, субъект фокусировки внимания на дополнительных признаках предметных категорий, субъект образного и оценочного восприятия, субъект концептуального конструирования события и выделения его отдельных характеристик и участников, субъект дискурсивной деятельности.

Потенциалом прямой дейктической отсылки к субъекту познания, выступающему основной фигурой мыслительной и чувственно-эмоциональной деятельности, обладают ментальные глаголы, вводные словосочетания с указанием на наличие знания и мнения, отдельные средства категорий модальности, эвиденциальности. Они репрезентируют его как субъект знания (*I know I'm not to expect any letters in return* [Webster 1988: 29]; *The story about the car crash is true, as far as I know* [BNC]), понимания (*I understand you have some things that you wish to deliver to me personally* [Maugham 1995: 185]), мнения (*I think you're teasing me* [Vinet 1993: 27]; *To my mind, however, the stories are clearly the same* [BNC]), предположений и догадок (*And I assume you'll be the one to tell her* [Vinet 1993: 18]; *I admit the chances are quite slim of finding the burglars* [BNC]; *You probably belong to a Family also* [Webster 1988: 155]), выводов и заключений (*We concluded that as Molly was so small, nobody had noticed her* [BNC]), желаний (*If only there was someone there to comfort the child* [Green 1983: 74]; *Oh, Daddy, I wish I knew you!* [Webster 1988: 151]; *I'd love to be with you all* [Green 1983: 32]), эмоционального отношения к происходящему (*I don't care if neither of them comes!* [Green 1983: 32]) и др.

Репрезентация субъекта вторичного осмысления в рамках индивидуально-избирательной фокусировки внимания на обеспечивающих более глубокое понимание осмысливаемого дополнительных характеристиках предметных категорий, действий и событий осуществляется в случаях нарушения системно заданных морфологических форм для отдельных лексико-грамматических категорий имени существительного и глагола, а также базовой синтаксической структуры предложения-высказывания.

В английском языке потенциалом дейктического указания на субъект вторичного осмысления предметности обладает морфологическая форма множественного числа, оформляющая вещественные и абстрактные существительные, имена собственные, имеющие единичную референтную отнесенность, и ряд существительных собирательной семантики. Она профилирует перенос акцента с прототипических характеристик предметных категорий на те, которые выделяются в процессе восприятия конкретных и

многочисленных форм их проявления. Основными дополнительно профилируемыми характеристиками выступают:

- категориальное многообразие, что дополнительно эксплицируется с помощью прилагательных и существительных с семантикой разнообразия и множественности (*The ninth century saw the beginning of a distinction between the various wines of Champagne* [BNC]), числительных (кроме *one*) (*There are 400 teas to be provided* [BNC], *Perversely, she felt a little saddened to realize there were, undoubtedly, two Cons* [Green 1983: 77]), местоимений и существительных количественной семантики (*Indeed, she, like Johnson, is aware how few the pleasures would be* [BNC]; *Listen, you sit down, I'll get a couple of coffees and we'll have a chat, OK?* [BNC]), ограничительных определений (*The wine list is not huge but is fairly comprehensive, featuring French, Australian, American and even some English wines* [BNC]; *On her own as a mother, she had relaxed all the rules and found all the unexpected joys of being a parent* [BNC]);

- большая протяженность, что находит дополнительную экспликацию с помощью лексических единиц, указывающих на протяженность (*God withdraws the limits he imposed in Genesis 1 on the vast waters, both those placed above the firmament and those below* [BNC]), территориальное пространство (*He knew that it was not due to a fall of rain in the district but to the melting of the snows in the high Himalayas* [BNC], *It is ten miles of golden sands backed by pinewoods* [BNC]) способ его пересечения (*A helpful northerly breeze was filling the sails, so that they were building up gentle speed across the waters of the bay* [BNC]), вместимость, наполняемость (*The sands were crowded with these strange bright parrots, accompanied by young gentlemen with unorthodox headgear and unbuttoned waistcoats* [BNC]);

- множественность отдельных членов единого категориального целого, что в контексте предложения-высказывания и дискурса профилируется с помощью морфологической категории множественного числа глагола, согласующегося с существительными собирательной семантики (*We are not convinced that the Government pay enough attention to quality* [BNC]), замещающих их личных местоимений (*His family live in France – in Provence, I understand – although they're not French* [Green 1983: 7]), а также возвратных местоимений (*The audience were slower to laugh themselves into such a roaring mirth* [BNC]).

Субъект вторичной конфигурации процессуального признака репрезентирован морфологической формой продолженного вида, оформляющей стальные глаголы. Позволяя профилировать характеристики активных действий на действия неактивные (состояния и свойства), она указывает на когнитивную способность переносить знания о концепте 'активность' на концепт 'неактивность'. Данная система включает:

- характеристику активности, которая выделяется в случаях концептуализации ментальных и эмоциональных состояний в конкретных формах их проявления (например, ментальный поиск (*He was imagining what happened next* [BNC]), поведение (*Now she was being over-dramatic* [BNC]), ряд

определенных действий, приводящих к данным состояниям (*We are having a good time* [LDCE 1992: 481]);

- характеристику намеренности, акцентируемую в процессе концептуализации состояний как планируемых и прогнозируемых и соответственно ассоциирующихся в сознании с конкретными участниками, определенными действиями, а также временем и местом их осуществления (*Darling, this is Miss Huntley, who was expecting to lunch with Angela today* [BNC]);

- характеристику контролируемости состояния, обусловленную его осознанием (*Football is a game of chance and I am loving every minute of it* [BNC]).

Некоторые случаи такой перекатегоризации [Болдырев 1995а, 1995б, 1995в] фиксируются отдельным акциональным значением глаголов, отличным от их основного денотативного значения. Они, таким образом, репрезентируют субъект вторичного осмысления в рамках формирования дополнительного смысла (*We were engaged, within weeks of marriage, when I discovered she was seeing (= going out on dates with) another man* [BNC]; *You remember I mentioned I was expecting (= waiting for) a friend?* [BNC]).

Субъект фокусировки внимания на отдельных объективно-логических характеристиках события представлен в английском языке на уровне функционального нарушения системно-заданной синтаксической структуры предложения-высказывания, в основе которой лежит четкий порядок следования членов предложения. Предшествование любой синтаксической позиции подлежащему, как особо выделенному члену предложения, профилирующему основному участнику события, эксплицирует факт смещения ракурса внимания на:

- временную характеристику события (начальная позиция обстоятельства времени, например, *Then, one autumn, the local journal printed the announcement* [Bates 1997: 163]);

- пространственную характеристику события (начальная позиция обстоятельства места, например, *From the darkness came whispering voices* [Bond 1992: 1]);

- способ осуществления действия (начальная позиция обстоятельства образа действия, например, *And nervously, tentatively, he offered himself for a part* [Bates 1997: 163]);

- дополнительную характеристику основного участника события (*With an extremely red face Corrie told him she was* [Lewis 1993: 121]);

- направленность восприятия целостной ситуации на определенных участников (начальная позиция дополнения, например, *To the children it was magic and wonder* [Bates 1997: 162]).

Указание на образно-ассоциативную активность субъекта вторичного осмысления, которая опирается на его когнитивную способность переносить знания об одних категориях и их признаках на другие в рамках таких когнитивных механизмов переосмысления, как концептуальная метафора, ассоциативное сравнение и концептуальная метонимия, характерно для целого

ряда случаев семантического взаимодействия значений языковых единиц с контекстом их употребления. Это, в первую очередь:

а) их метафорическое использование

- номинация концептуализируемой сущности именем существительным, лексическое значение которого содержит указание на другую категориальную область, что достигается за счет непрототипического использования неопределенного артикля с именами собственными (*He is a Narcissus* [Wild 1994: 9]; *Her grandmother made the illegitimate girl into a Cinderella* [BNC]), определения данной лексико-грамматической группы притяжательными и указательными местоимениями (*So what's he like, this Don Juan you went into the back close with?* [BNC], *My poison-tongued mermaid is certainly living up to her name!* [BNC]), а также контекста, создающего логическое противоречие (*You're a doll, Cindy* [BNC]; *It's terribly suspicious, Reinhard, you being up in Denmark when the old fox flies away* [BNC]);

- номинация характеристики концептуализируемой сущности или ее действия с помощью прилагательного или наречия, обозначающего признак, который объективно ей не присущ (*She looked at Martha with a fresh insight, noting the drabness of her clothes and the downward droop of her lips!* [BNC]; *What could you say, what could anyone say, confronted with the naked truth?* [Hailey 1976: 496]; *Heyward asked coldly, 'Have you finished?'* [Hailey 1976: 201]);

- номинация действия глаголом, обозначающим процессуальный признак, который не характерен для предметной сущности, которой он приписывается или на которую он направлен (*Her cheeks burned as brightly as her eyes* [Vinet 1993: 31]; *Flaming anger danced in her brown eyes* [Green 1983: 69]; *She planted a small kiss on his cheek* [Vinet 1993: 229])

б) их метонимическое использование

- номинация концептуализируемой сущности именем собственным, которое вербализует категорию, ассоциативно смежную с ней в рамках отношения 'целостная категория – ее отдельный представитель / продукт', на что указывает несистемное использование неопределенного артикля (*It is also an indispensable tool in the art market: no Japanese will contemplate buying a Monet unless it is in the Wildenstein catalogue* [BNC]; *He is a real human being – not a Pendleton at all* [Webster 1988: 51]; *Anyone got a Kleenex?* [BNC]);

- номинация концептуализируемой сущности именем существительным, включающим ее в отношение 'часть – целое' с другой категорией предметного мира (*Her teeth clamped together but without force* [Cookson 1996: 174]; *The whole of Rome turned out for the funeral* [McCullough 1992: 66])

в) их использование в рамках ассоциативного сравнения (*I have a mind like a computer with thirty years of input* [Hailey 1976: 321]; *The mockery was there again, eyes like chips of ice now* [Green 1983: 46]; *She smiled for Riven though, and that smile was like a sword blade thrust in his chest* [BNC]).

Как субъект эмоционально-экспрессивного восприятия рассматриваемая антропоцентрическая координата получает репрезентацию на уровне грамматических моделей и конструкций интерпретативного типа, а также

лексических единиц оценочной семантики и средств модусной категории аппроксимации:

- модель 'наречие частотности, регулярности + морфологическая форма продолженного вида глагола', профилирующая характеристику пространственно-временной непрерывности проявления действия, указывает на конфигурацию знаний о действии в рамках личностного эмоционального восприятия, которое, как правило, заключается в неодобрении и недовольстве (*She was always smiling, that was the worst thing* [BNC]), а также потребности создания эффекта преувеличения (*People were constantly coming to see Ken in his dressing room* [BNC]);

- экспрессивные синтаксические конструкции с местоимением *it*, ориентирующим на существительное в предикативной позиции, и с местоименными словами *what* и *how* эксплицируют эмоциональное восприятие отдельных участников события как противопоставленных всем другим (*It was Arthur who spoke again* [Cookson 1976: 79]; *He it was whom they cheered* [Bates 1997: 162]), отличительных признаков концептуализируемой сущности (*What odd chaps you painters are* [Wild 1994: 8]) и ее действий (*How quickly he becomes relaxed if I allow him* [BNC]).

- лексические единицы оценочной семантики, а также средства модусной категории аппроксимации (прежде всего, наречия *quite* и *almost*, определяющие прилагательные, которые обозначают эмоциональные состояния и чувственно или оценочно воспринимаемые признаки, и несистемное использование неопределенного артикля для оформления превосходной степени данных прилагательных) указывают на соотнесение субъектом оценки номинируемой категории или ее признака с индивидуальной системой ценностей и стереотипного знания (*It was a super film* [Green 1983: 86]; *Oh, you are beastly!* [Green 1983: 89]; *It's such a silly name* [Webster 1988: 23]; *Blanche knew he was a coward* [BNC]; *Now the doctor may be quite happy with that* [BNC]; *Flora's laugh hollowed her cheeks and made her almost beautiful* [BNC]; *Then we met the officer in charge, a most interesting man* [BNC]; *Born in South Uist, she became and remains a most famous woman in Scottish history* [BNC]).

Репрезентация субъекта познания в рамках субъективно-избирательного конструирования события осуществляется с помощью тема-рематического соотношения, конверсных отношений, морфологической категории залога и на уровне несистемного лексического заполнения базовых синтаксических конструкций.

Тема-рематическое соотношение, конверсные отношения и залог актуализируют когнитивную потребность концентрации внимания на участниках события, которые в конкретном акте концептуализации профилируются как главные. Это могут быть: 1) сущность, выделяемая в качестве фигуры на фоне события, включающего несколько равноправных участников (*I was looking at them – They were looking at me; The album is under the photo frame – The photo frame is on the album), 2) любой элемент или результат события (*My husband managed to interest him in Egyptology* [Christie 1995: 46] → *He got interested in Egyptology due to my husband / Egyptology is the**

thing (science) my husband managed to interest him in), 3) объект действия (*The door was opened by a middle-aged Chinese woman* [Maugham 1995: 190]).

Несистемное лексическое заполнение базовых синтаксических конструкций указывает на субъективный выбор аспекта или способа концептуализации события, что, в свою очередь, продиктовано когнитивной необходимостью осмыслить фрагмент реальной действительности в рамках той или иной возможной характеристики, доминирующей в сознании в конкретный момент концептуализации и тем самым обуславливающей ракурс его восприятия субъектом познания. Иными словами, субъект познания сам моделирует событие и осмысливает его как активное действие прототипически неактивного участника, свойство или отношение.

Концептуализация события как активного действия прототипически неактивного участника – результат активизации когнитивных механизмов переосмысления (концептуальной метафоры и концептуальной метонимии). Она возможна в случаях заполнения синтаксической позиции подлежащего в переходной или непереходной конструкции с акциональным глаголом существительными лексико-грамматических классов, отличных от прототипического (а именно класса одушевленных существительных и существительных с семантическим указанием на внутреннюю энергию и потенциал самостоятельного осуществления действия). Например, *His unmistakable voice, vibrant and faintly mocking, followed her out of the room* [Green 1983: 6]; *By 1592 London was hearing the name William Shakespeare again and again* [BNC]; *Necessity had made her bow to the need to sell* [Green 1983: 6]; *Election comes next Saturday* [Webster 1988: 63].

Представление события по типу состояния предполагает абстрагированность от конкретных, намеренно осуществляемых и контролируемых действий. Основное внимание субъекта познания фокусируется на объекте и его свойствах. Репрезентация данной характеристики события осуществляется с помощью непереходной синтаксической конструкции, в которой подлежащее выражено неодушевленным существительным и потому профилирует неодушевленный субъект, а сказуемое – акциональным глаголом, актуализирующим способность объекта менять свое состояние, приобретая одну из типичных характеристик, либо его перманентное свойство. Например, *The bagels, almost dry, got wet again* [BNC]; *Her tears dried and she pulled her apron away, ashamed and miserable* [BNC]; *This fabric doesn't wash well* [LDCE 1992: 1187]; *This pen writes very smoothly* [BNC].

Представление события как отношения между его элементами обусловлено когнитивной необходимостью акцентировать полную статичность объекта и / или инактивность субъекта, с одной стороны, и определенный тип отношений между ними, исключающий их взаимодействие, с другой стороны. Синтаксической структурой репрезентации данного типа концептуальной конфигурации события выступает переходная синтаксическая структура с глаголом, семантически указывающим на бытийность и релятивность и тем самым актуализирующим различные типы субъект-объектных и объект-

объектных отношений. Например, *A large hat framed a girl's pretty face* [LDCE 1992: 409]; *That colour doesn't suit her* [LDCE 1992: 1059]; *A large portrait of Susanna Jennens still hangs at Weston Hall, and has recently been restored* [BNC].

Как субъект дискурсивной деятельности субъект познания, прежде всего, выстраивает целостное событие, устанавливая связи и отношения между его различными фрагментами. Основными средствами дейктического указания на данный вид интерпретативного осмысления выступают союзы и союзные слова, вводные словосочетания, лексические единицы с семантикой логической очередности, местоимения, компаративная структура с определенным артиклем *the... the*. Они профилируют такие когнитивные способности, как:

- установление логической связи событий, следования идей и т.п. (*The next morning we had a glee club concert* [Webster 1988: 114]; *At first, he appeared to offer sound advice* [BNC]; *Finally, after vainly trying to force the door, they got on the roof* [Wilde 1994: 256]; *He passed his hand over his face, as if clearing away a cobweb, then looked at Con* [Green 1983: 163];

- установление причинно-следственной связи (*Yes, that's why I said it was a bit worrying before* [BNC]; *Having lit the battery of candles that always stood on the bench – for electricity had never been installed in the old room – she set about completing the pot pourri by their flickering light* [Green 1983: 126-127]);

- прогнозирование причинно-следственной связи (*Only two weeks before, she told her mum she wanted a donor card in case anything happened to her* [BNC]; *You'll miss the school bus if you stay here daydreaming* [Green 1983: 29]; *The sooner they could get married the better* [Maugham 1995: 194]);

- установление анафорической связи (*Ludens told her to go to the British Museum and the National Gallery, which she did* [BNC]; *There were no envelopes. They were in the same neat writing as the directions* [Maugham 1995: 191-195]; *In the latter case I would be more likely to give you options and a reason, by saying: 'Would you mind moving slightly?'* [BNC]);

- противопоставление (*On the contrary, it remains for him to decide* [BNC]; *Rowan was furious but resigned* [Green 1983: 84]) и др.

Сложный характер предмета анализа, его широта и многогранность позволили рассмотреть только основные и наиболее важные особенности системной организации когнитивной деятельности субъекта познания, а также принципы и специфику ее языковой репрезентации, что и являлось целью данного исследования. Важными представляются также сама постановка проблемы и предлагаемое направление ее решения. В совокупности с полученными результатами и доказанными положениями они позволили показать новые возможности и перспективы когнитивного анализа языка. Более того, исследование является основой для дальнейшего, более детального изучения проблемы человека в языке. Оно, как представляется, позволит подтвердить и модифицировать полученные результаты и выводы данными как различных языков, так и отдельных языковых уровней, единиц и структур. Этим обуславливаются перспективность проведенного исследования и его вклад в развитие лингвистической науки.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

Монографии

1. Магировская, О.В. Репрезентация субъекта познания в языке: *монография* / О.В. Магировская; Федеральное агентство по образованию; Рос. акад. наук, Учреждение Рос. акад. наук Ин-т языкознания РАН; ГОУВПО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – М.; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. – 223 с.
2. Магировская, О.В. Уровни концептуализации в языке / Магировская О.В. // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: *коллектив. моногр.* – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – С. 78-96.

Статьи в научных журналах, рекомендованных ВАК

3. Магировская, О.В. Когнитивная сущность языковых категорий, определяющих концептуализатора / Магировская О.В. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2005. – Вып. 4 (40). – С. 22-25.
4. Магировская, О.В. Деятельность субъекта познания как основа языка / Магировская О.В. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Серия: Филология. – 2007. – № 2 (4). – С. 63-69.
5. Магировская, О.В. Интеграция основных видов когнитивной деятельности в рамках процесса познания / Магировская О.В. // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 4. – С. 119-127.
6. Магировская, О.В. Особенности концептуализации и категоризации мира в рамках когнитивной деятельности наблюдателя / Магировская О.В. // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. – 2008. – Вып. 23. – № 21 (122). – С. 105-113.
7. Магировская, О.В. Теория концептуальной конфигурации: концепция и метод / Магировская О.В. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – Вып. 2 (70). – С. 9-13.
8. Болдырев, Н.Н. Языковая репрезентация основных уровней познания / Болдырев Н.Н., Магировская О.В. // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 2. – С. 7-16.
9. Магировская, О.В. Языковая конфигурация знаний / Магировская О.В. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: Филологические науки. – 2009. – № 7 (41). – С. 12-16.

Статьи в сборниках научных трудов

10. Магировская, О.В. Человек в рамках основных процессов категоризации языкового пространства / Магировская О.В. // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики: сборник научных статей. – Вып. 5. – Красноярск, 2005. – С. 49-55.
11. Магировская, О.В. Категориальный статус концептуализатора / Магировская О.В. // Дискуссионные вопросы современной лингвистики. Вып. 2. – Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2006. – С. 119-122.
12. Магировская, О.В. Пространство говорящего в пространствах языка и окружающей реальности / Магировская О.В. // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: материалы Международной научной конференции (г. Белгород, 11 – 13 апреля 2006 г.): В 2 ч. Вып. 9. Ч. II. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. – С. 366-370.
13. Магировская, О.В. Категория концептуализатора в ряду других категорий, обозначающих «человека в языке» / Магировская О.В. // Новое в когнитивной лингвистике: Материалы I Международной научной конференции «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» (Кемерово, 29 – 31 августа 2006 г.). – Кемерово: КеМГУ (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 8), 2006. – С. 395-401.
14. Магировская, О.В. Концептуальный смысл категории концептуализатора / Магировская О.В. // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. мат-лов 26 – 28 сентября 2006 года. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2006. – С. 310-312.
15. Магировская, О.В. Дейктивная сущность языковой организации ментального пространства концептуализатора / Магировская О.В. // Проблемы межкультурной коммуникации в теории языка и лингводидактике: материалы II Международной научно-практической конференции (Барнаул, 5 – 6 октября 2006 г.). В 2 ч. Ч. 1. – Барнаул: БГПУ, 2006. – С. 187-189.
16. Магировская, О.В. Функциональная представленность человека в антропоцентрическом пространстве языка / Магировская О.В. // Язык. Коммуникация. Культура: тенденции XXI века: материалы международной конференции, посвященной 60-летию юбилею факультета иностранных языков, 5 – 6 октября 2006 г. – Красноярск, 2007. – С. 213-217.
17. Магировская, О.В. Универсальный статус фигуры концептуализатора и специфичность ее языковой представленности / Магировская О.В. // Житниковские чтения (VIII; 2007): Информационные системы: гуманитарная парадигма: Материалы Всеросс. науч. конф., Челябинск, 20-22 февраля 2007 г. – Челябинск: Энциклопедия, 2007. – С. 180-183.
18. Магировская, О.В. Особенности взаимодействия говорящего и познающего субъектов в рамках речемыслительной деятельности / Магировская О.В. // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики: теоретический и методологический аспекты:

- Материалы научно-практической конференции (Благовещенск, 16 апреля 2007 г.). – В 2-х ч. Ч. 2. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. – С. 33-36.
19. Магировская, О.В. Лингвистическое решение проблемы языковой репрезентации мысли / Магировская О.В. // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты. Материалы VII-ой Международной научной конференции (Ульяновск, 16-19 мая 2007 г.). – М.; Ульяновск: Институт языкознания РАН; Ульяновский государственный университет, 2007. – С. 154-155.
20. Магировская, О.В. Специфика языковой концептуализации в рамках интегрированного ментально-речевого пространства / Магировская О.В. // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: материалы XII международной научно-практической конференции, Иркутск, 13-15 июня 2007 г. Ч. 1. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2007. – С. 279-283.
21. Магировская, О.В. Человек в языке: в поисках функциональной представленности / Магировская О.В. // Филология и культура: Мат-лы VI Междунар. науч. конф. 17-19 октября 2007 года. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2007. – С. 156-158.
22. Магировская, О.В. Язык как проявление фундаментальных способностей человека / Магировская О.В. // Семантика. Функционирование. Текст: Международный межвузовский сборник научных трудов. – Киров: Изд-во ВятГТУ, 2007. – С. 56-60.
23. Магировская, О.В. Мыслительные операции как основа когнитивной деятельности субъекта познания / Магировская О.В. // *Ethnogermentutik und cognitive Linguistik*. – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2007. – (Reihe «Ethnogermentutik und Ethnorhetorik»). Bd. 12. Herausgeber der Reihe: H. Barthel, E.A. Pimenov). – P. 57-63.
24. Магировская, О.В. Когнитивная деятельность субъекта познания: базовые и производные функции / Магировская О.В. // Языки профессиональной коммуникации: сборник статей участников Третьей международной научной конференции (Челябинск, 23 – 25 октября 2007 г.): в 2 т. Т. 1. – Челябинск: Энциклопедия, 2007. – С. 68-71.
25. Магировская, О.В. Субъект познания как точка отсчета речемыслительной деятельности / Магировская О.В. // Диалог языков и культур: теоретический и прикладной аспекты. Т. 2. – Архангельск: Изд-во Поморского университета, 2007. – С. 74-77.
26. Магировская, О.В. Когнитивная деятельность субъекта познания на уровне восприятия / Магировская О.В. // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: сб. ст. участников IV междунар. науч. конф., 25-26 апр. 2008 г., Челябинск. Т. 1. – Челябинск: ООО «Издательство РЕКПОЛ», 2008. – С. 159-163.
27. Магировская, О.В. Концептуализация действительности в рамках первичного осмысления / Магировская О.В. // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: материалы XIII Международной научно-практической конф., Иркутск, 20 июня 2008 г. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2008. – С. 74-78.

28. Магировская, О.В. Интегративный принцип исследований языковой репрезентации субъекта познания / Магировская О.В. // Культура в зеркале языка и литературы. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. – С. 373-375.
29. Магировская, О.В. Принципы языковой конфигурации знаний в рамках когнитивной деятельности субъекта познания / Магировская О.В. // Труды по когнитивной лингвистике: сборник научных статей, посвященный 30-летию юбилею кафедры общего языкознания и славянских языков кемеровского государственного университета. – Кемерово: КемГУ, 2008. – С. 275-280.
30. Магировская, О.В. Системность языковой репрезентации субъекта познания / Магировская О.В. // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. мат-лов. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. – С. 85-87.
31. Магировская, О.В. Система антропоцентрической организации языка / Магировская О.В. // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – Том 6. – Вып. 2. – С. 71-77.
32. Магировская, О.В. Уровневый характер формирования первичного знания / Магировская О.В. // Филология и культура: Мат-лы VII Междунар. науч. конф. 14-16 октября 2009 года. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – С. 69-71.

Подписано в печать 24.09.09 г.
Формат 60x84/16. Уч.-изд. л. 2,32
Тираж 100 экз. Заказ № 636

Отпечатано в типографии ИПК СФУ
660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82а